

Недавно Москву посетил Саша Верни. Для тех, кто по-настоящему знает и ценит кино, это имя говорит о многом. Саша Верни или Саша Верный, как он сам себя называет (он русский по происхождению) — ведущий оператор французского кино и сама история мирового кинематографа. Он снял большинство фильмов Алена Рене, начиная с картины «Хиросима, любовь моя» (1959), которая только что была показана по Российскому телевидению, снял «В прошлом году в Мариенбаде», «Мюриэль», «Война окончена», «Ставиский», «Мой американский дядюшка», «Любовь до смерти». Он работал с Луисом Бунюэлем («Дневная красавица») с Маргерит Дюра, Бертраном Блие, Раулем Руизом; с Питером Гринауэем Саша Верни сделал шесть фильмов, включая «Отсчет утопленников», также недавно показанный по нашему телевидению, «Повар, вор, его жена и ее любовник», «Книги Просперо», «Дитя Макона».

Саша Верни 74, он живет в Бретани. Он скромный, молчалив и любит повторять слова Льва Кулешова «Оператор — не оратор», которые подхватил у директора московского музея кино Наума Клеймана, когда они там встретились. Он исполнен достоинства и благородства — и прекрасно знает себе цену. Это был первый визит Верни в Москву, если не считать того, когда он оказался здесь в 1958-м проездом с режиссером Крисом Маркером, по пути в Сибирь, где они снимали «Письмо из Сибири».

Музей кино, Культурный центр Франции, Открытый Российский фестиваль «Кинотавр» при участии журнала «Кино-глаз» проводят в июне ретроспективу фильмов, снятых Саша Верни. А сейчас Саша Верни отвечает на наши вопросы.

Саша ВЕРНИ:

«ОПЕРАТОР — НЕ ОРАТОР»

— Саша, у вас счастливая профессиональная судьба. И все же — всегда ли вы работали с теми, с кем хотели?

— Нет, конечно. У нас очень трудно найти работу, нужно искать, нужно просить. А просить я не очень умею. У вас после окончания ВГИКа все имеют работу. У нас нет.

— Ну, что вы, у кого-то она есть, у кого-то нет. А кто-то годами простаивает. Напрасно вы думаете, что если оператор получил диплом, то он сразу начинает снимать фильмы.

— Нет? И как же он живет?

— Подрабатывает, как может. Например, снимает рекламные ролики. Вам приходилось снимать рекламу?

— Приходилось. Раньше за рекламу хорошо платили, и реклама была очень хорошая, интересная. Сейчас она стала хуже качеством, и платят меньше. Я видел вашу рекламу по телевизору: с точки зрения оператора, она очень слабая, изобразительно бедная.

— Но, в принципе, ничего зазорного в том, чтобы снимать рекламу, вы не видите?

— Нет, конечно, нет. Я сделал несколько роскошных рекламных роликов.

— Что из того, что вы сняли, вам больше всего нравится?

— Я не критик. Я не могу судить, что этот фильм лучше, а этот хуже. Могу сказать только, что я свою работу всегда любил и люблю — потому что я еще снимаю. Я не всегда был согласен с режиссерами — бывают такие, которые приходят на съемку, читают, что там написано в сценарии и на вас смотрят: что делать? Это не режиссеры, и иногда я с такими ругался. Не скажу, с кем.

— А с кем из режиссеров вы чувствовали себя наиболее свободным?

— Странный вопрос! Почему я должен был чувствовать себя свободным? Я очень люблю, когда режиссер точно знает, чего он хочет. Мы вместе долго все обсуждаем, прежде чем начать, и когда оба твердо знаем, как и что хотим сделать, мы это делаем. И я совсем не хочу быть свободным. Представьте, мы играем с вами вместе Бетховена, а я вдруг решаю перейти на Моцарта. Это свобода? Каждый должен хорошо знать свое дело, и когда снимается фильм, должен делать свое дело. Я люблю, когда режиссер — диктатор, добрый, мягкий, но диктатор.

— Как вы встретились с Рене?

— Мы познакомились в ИДЕКе (Институте высшего кинообразования. — Е. Т.), когда я был студентом. Он увидел снятый мной с другим режиссером фильм и пригласил в качестве ассистента оператора на «Ночь и туман». «Хиросима, любовь моя» — наш первый полнометражный игровой фильм.

— Как вы сейчас смотрите «Хиросиму»?

— Что такое для меня «Хиросима», когда я сам воевал... Когда наци оккупировали Францию, я был солдатом, потом партизаном, и я очень благодарен Рене и Маргерит Дюра, которая написала сценарий, что они помогли мне не забыть войну, хотя я бы и так не смог ее забыть — это невозможно. И еще я благодарен Рене за то, что после этого фильма я стал пацифистом. Работа с ним была очень серьезной для меня — и профессионально, и по-человечески.

— На фильме работал еще один оператор?

— Да, я не снимал в Токио, в Токио работал японский оператор Такахаси Митю. Когда я недавно был в Токио с Питером Гринауэем по поводу «Книги Просперо», я хотел там встретиться с моим давним коллегой — мы же никогда с ним раньше не

встречались. Но он очень старый, старше меня, он был болен, и я не смог его увидеть.

— Как было бы замечательно вам встретиться! Но все же картина изобразительно едина.

— Ну, это талант Рене. Когда он вернулся во Францию с отснятым в Токио материалом, он не хотел мне его показывать. И я увидел его только тогда, когда смотрел весь фильм целиком.

— И какое было впечатление?

— О, очень понравилось. Ну, а теперь «Хиросима» — история кино, это классика. И я с этим согласен.

— Саша, вы работали с такими знаменитыми актерами, как Ив Монтан, Катрин Денев, Дельфин Сейриг, Вельмондо.

— Ален Делон, Симона Синьоре, Жерар Депардье.

— Как у вас складывались отношения с актерами — ведь во многом от оператора зависит, будет ли, например, актриса на экране красавицей или уродиной?

— Я предпочитаю снимать женщин, говорят, что я неплохо это делаю, ну, это правда. Я работал, на-

пример, с Мишель Морган на телевидении. Она была уже не слишком молодой, и она мне очень благодарна за то, что этого никто не заметил. Потом каждый раз, когда ее приглашали сняться на телевидение, она просила, чтобы ее снимал Саша Верни. Чтобы свет падал, как надо.

— Вы никогда не хотели быть режиссером?

— Вначале я учился в ИДЕК, чтобы стать режиссером, вернее ассистентом режиссера, начинал работать как ассистент режиссера. Но меня всегда очень интересовало изображение, визуальная сторона, работа оператора. И потом — как сделать карьеру? Что продает ассистент режиссера? Ветер. Он только может говорить: ну, я великолепен, я могу все, я хочу с вами работать и так далее. А если ты ассистент оператора и у тебя есть хоть крошечная собственная работа, хоть кусочек, снятый тобой, — хорошо, можно пойти в просмотровый зал, взглянуть на экран — и ничего не нужно говорить.

— Саша, вы очень красивы, вам приходилось работать актером?

— Я был красив, теперь я стар. Я работал в молодости в одном парижском кабаре. Мимом. Играл на флейте. А танцевала там жена Жака Превера. Вы слышали о Дине Верни?

— Модель Майоля.

— Да, и моя первая жена. Я тоже был моделью.

— Тоже у Майоля?

— Нет, но я его хорошо знал, я у него бывал. Потому что мы жили с Диной, когда нам не было еще

и восемнадцати, но родители не хотели, чтобы мы были вместе, и мне нужно было зарабатывать на жизнь. Мы с Диной пели на улицах, люди бросали нам деньги, а потом я работал в школе, учителем. И мечтал стать ветеринаром.

— В вашей семье по-русски говорили?

— Конечно. Папа и мама между собой говорили по-русски. Папа из Одессы, мама из Киева. Они уехали в 1911 году. Я говорил очень мало, но слушал. Мой отец был ювелиром, прекрасным ювелиром, настоящим художником. Однажды меня спросили, почему я так люблю свет. Я ответил, что не только люблю свет, но и все, что блестит, сверкает. Может быть, потому что мой отец был ювелиром.

— Вам говорили, что вы с Рене похожи внешне?

— Да, я знаю, и у нас похожие взгляды на жизнь. ведь мы с ним одинакового роста, смотрим на мир с одной точки зрения.

— А с Гринауэем?

— Гринауэй — очень добрый, славный человек. Мы с ним дружим.

— То, что делает Гринауэй, у нас называется постмодернизмом.

— Я уже вам говорил, что я не критик, со словами не работаю, они для меня ничего не значат, я работаю с изображением.

— В его фильмах столько крови, мяса, вообще всяческих излишеств. Как вы к этому относитесь? Добрый, славный человек.

— Это же все с юмором. Это не кровь, просто — гемоглобин. Кино — это «фиксьон», выдумка. Правда — это то, что происходит в бывшей Югославии, это много хуже, чем все, что мы можем придумать с Гринауэем.

— Вы в состоянии осуществить все невероятные идеи Гринауэя?

— Ну, иногда я ему терпеливо объясняю, каких денег и сил будет стоить то, что он сочинил. Тогда он немного задумывается и машет рукой: «А, ладно, забудь!»

— С каким чувством вы уезжаете из России?

— Я никогда не хотел путешествовать как турист. Я познакомился здесь с кинематографистами, мне было с ними интересно, и впервые, может быть, я по-настоящему понял, что я известный человек.

Беседу вела
Евгения ТИРДАТОВА.

● Саша Верни у дома Михаила Булгакова. Киев, осень, 1993.

Фото Мишель Левье.

● Саша Верни, Жак и Пьер Превер на съемках фильма «Paris la Belle», август, 1959.

Фото Жана Латте.